

ИЛЯ БУШМИН

Дорога смерти – 1

ИГРА В ПРЯТКИ

Илья Бушмин
Дорога смерти
– 1. Игра в прятки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305257
ISBN 9785448390005*

Аннотация

Неуловимая банда убийц нападает на водителей на трассе М-4 в Подмосковье и жестоко расправляется со своими жертвами, не щадя никого. Преступников не интересуют ни деньги, ни автомобили – их цель убивать. Для помощи местным силовикам из Москвы приезжает следователь Бегин. Рядовая командировка оборачивается для сыщика самым опасным делом в жизни. Роман на основе реальных событий.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	44
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дорога смерти – 1

Игра в прятки

Илья Бушмин

*«Смерть – это не самое худшее, что может
произойти с человеком».*

Платон

© Илья Бушмин, 2017

ISBN 978-5-4483-9000-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Док с экрана монитора с сочувствием смотрит на Бегина, кивая каким-то своим мыслям, после чего осторожно выдает:

– Вы слишком много курите, Александр.

Бегин с невеселой усмешкой пожимает плечами. Пододвинув к себе пепельницу, заполненную окурками под завязку, медленно выдыхает проклятый дым.

– Пожалейте себя, – продолжает док. Динамики старенького, но шустрого еще ноутбука придают его голосу хрипящий и чуть механический голос. – Или... У вас это, может, форма наказания себя?

Как его зовут, Бегин не помнит. Какое-то время назад, еще в Москве, во время очередного визита, Бегин читал его фамилию на табличке, приколоченной к двери. Но та вылетела из головы. То ли Иванюк, то ли Иванчук, а может быть, даже Иванченко. Но точно не Иванов. Впрочем, Бегину все равно. Все это не имеет никакого значения.

– У нас с вами разные взгляды на самих себя, – отзывается Бегин.

Похмельное сознание искривляет реальность своеобразно: сейчас он четко ощущает себя как говорящая голова, получающая сигналы откуда-то извне и озвучивающая их. Это даже забавно. Впрочем...

– Что вы имеете в виду?

– Понимаете, – Бегин тушит окурок. Рука машинально тянется к пачке сигарет, но Бегин останавливает себя. Это было бы слишком. Если док захочет, у Бегина будут проблемы. А если курить одну за одной – док молчать не будет. Паршивец. – Понимаете, вы считаете, что наше тело, наш организм, голова-руки-ноги – это и есть мы. Я воспринимаю все немного иначе. Это все просто... ну, лошадь. Или автомобиль. Временное транспортное средство.

Док кивает. Очевидно, вспоминает, что месяц-другой назад о чем-то подобном они уже говорили.

– Я вас понимаю. Хотите сказать, что наше тело – это не мы?

Пива бы, думает Бегин. Уж больно голова трещит.

– Да ничего я не хочу сказать.

– Но вот посмотрите с другой стороны на все это, Александр. Вы ведь не станете сознательно губить свою лошадь? Ну, или машину.

У Бегина нет ни лошади, ни машины. Лошадь ему никуда не вперлась. А машину он не водит уже... Нет, про это лучше не вспоминать. Иначе будет только хуже.

После событий последних дней Бегина немного замкнуло. И да, он нажрался. Было слишком тяжело, чтобы выносить реальность и происходящее вокруг один на один. Проснувшись утром, Бегин чувствовал себя ходячим мертвецом. Да и сейчас немногим лучше. Голова стучит так, словно гото-

ва взорваться. Нет, Бегин не чувствует боли – лишь пульсация, похожая на постукивания молоточков, в висках и где-то внутри черепной коробки. Во рту будто кошки нагадили. Зато мысли бегают где-то там, на заднем плане, не занимая собой все пространство. «Обезьяний ум» крепко спит или еще пьян. Уже хорошо.

А потом пришлось открывать компьютер и звонить доку. Что поделаешь, это одно из условий.

– Вы делаете свою работу, – бурчит Бегин, протирая потное лицо. – И я это понимаю. А я делаю свою. Так что давайте не будем строить из себя праведников, хорошо?

– Мы просто разговариваем. – Док реагирует невозмутимо, но тихим сапом продолжает свое дело. – И раз уж вы заговорили о праведниках... Разве вы себя к ним не относите?

В голове начинает стучать еще сильнее. Нужно что-то с этим делать. Забавное дело: если Бегину в руку воткнуть раскаленный нож, он практически ничего не почувствует. А тут... Бегин ловит себя на занятой мысли, вспоминая слова дока про наказание самого себя. А что если это не наказание, а наоборот – попытка что-то почувствовать?

Но собеседнику на экране ноутбука об этом лучше не говорить.

– Стоит ли делить мир на праведников и грешников, – откликается Бегин. – Это все у нас в голове. Не более того. Это одна из иллюзий.

Док будто удивляется.

– Вы сейчас серьезно? А как же... как же то, чем вы занимаетесь?

Бегин косится на сигареты. Пора ли? Мысленно: «Миссисипи – раз. Миссисипи – два. Миссисипи – три». Теперь можно. Бегин закуривает снова и выпускает поверх дисплея ноутбука струю дыма.

– Знаете... Если вы назовете кого-то праведником, то в этот самый момент вы создадите и грешников. В этот самый момент с высоты праведника открывается целый простор для осуждения. Ведь плюс не может существовать без минуса. Грешник нужен праведнику, чтобы оправдать его собственное существование.

Док молчит. Что ж, его право.

– А теперь посмотрите на всю тупость и абсурдность наших усилий. Мы все время стараемся избавиться от грешников, искоренить их. Мы надеемся на существование мира, в котором не будет плохих людей. Это утопия. Мы врем сами себе каждую минуту. Это бессмыслица. Потому что праведники не могут существовать без грешников. Они – просто другая сторона той же самой монеты, – Бегин усмехается. Тушит сигарету и отодвигает пепельницу. Смотрит в глаза доку, который, хмурясь, внимательно ему внимает. – Но не беспокойтесь по этому поводу сильно. На самом деле ни тех, ни других просто не существует. И вы сами знаете об этом.

С похмелья, когда мозг практически спит, довольно легко заставить себя поверить в то, во что хочется верить.

А вскоре сеанс заканчивается. Бегин отбыл свою повинность. В следующий раз... Хрен знает, когда. Но не сегодня. Значит, можно выныривать в мир. Бегин встает из-за старого, скрипучего стола, который не разваливается только каким-то чудом. Казенная однокомнатная квартирка в какой-то глуши города Домодедово – та еще дыра. В комнате из мебели – только этот дурацкий стол, ветхий шифоньер с зеркалом да продавленная двуспальная кровать.

Учитывая, что это конспиративная квартира на учете местного УВД, койка наверняка повидала всякое.

Бегин шагает на кухню. Берет бутылку пива из холодильника, она каким-то чудом сохранилась после вчерашнего. Возвращается. Подходит к простенку между шифоньером и заляпанным разохшимся окном, через рамы которого по-свистывает ветер.

Делая глоток ледяного пойла, он усталым взглядом взирает на картину перед ним.

Стена завешана фотографиями. Десятка два самых разных снимков, приколотых булавками с разноцветными пластиковыми шляпками к неровной стене с выцветшими обоями.

Со снимков на Бегина смотрит то, что, казалось бы, опровергает большинство сказанных им доку слов. Правда, и на этот счет у Бегина есть свое мнение. С фотографий на него смотрело свидетельство чистого зла, который последние полтора месяца наводит ужас на Домодедово

и на все Подмосковье. Бегин беспристрастно взирает на то, на что беспристрастно смотреть невозможно.

Расстрелянные машины. Крупные кадры с гильзами. Пулевые отверстия на водительских и пассажирских дверях. Залитые кровью тесные мрачные салоны автомобилей...

...И трупы. Трупы. Трупы.

Бегин делает глубокий вдох.

Ад вернулся.

Глава 1

Полоска света пробежала в обратную сторону, ее отблески проползли по кромке сканера. Рябцев, раскладывая козынку на компьютере, увидел всплывшую папку с отсканированным файлом. Это был рапорт опера с резолюцией начальства. Судя по шапке оперативно-розыскного дела, вся эта история была 15 лет назад.

Пятнадцать лет... Рябцев хмыкнул, прикинув в уме, когда это было. Ему, Володе Рябцеву, стукнуло 18 лет. Школа позади. На носу армия, в которую он так и не попал. Спасибо родительскому соседу-пенсионеру: прослышав, что пацан из квартиры напротив хочет идти в правоохранительные органы – а тогда, в 90-е, это было диковатое и странное желание, потому что большинство рассчитывали податься в рэкетирь и бандосы (проклятые времена) – старик предложил помощь. Сосед был непростым, майором милиции в отставке. И вместо армейки Рябцев отправился в среднюю школу МВД, откуда три года спустя вышел с лейтенантскими погонами и распределением в уголовный розыск Домодедово.

Рябцев оторвался от пасьянса, чтобы переименовать отсканированный файл. Сверился с папкой и напечатал вместо названия файла цифру «18». После чего переместил ее в папку с первыми 17-ю файлами и принялся за сканирование 19-й страницы дела.

Это была его работа последние три года. Рябцев убивал время, оцифровывая архив городского УВД. Работа непыльная, но настолько однообразная, что через пару месяцев он готов был лезть на стену. Еще через месяц – расшибить об эту стену свой череп, лишь бы не видеть эти тонны архивной макулатуры, которая дожидалась своей очереди на оцифровку. А еще через пару месяцев... он привык. И смирился.

А как тогда, после учебки, все хорошо складывалось. Несколько лет в операх-территориалах, после чего Рябцева пихнули в отдел угонов. В Подмоскovie, особенно в районе Домодедово, угонами и кражами автомобилей промышляли многие банды и группировки. Они работали в тесном контакте с УБОП. Было время, когда их подразделению завидовали даже убийщики, не вылезавшие из бытовых.

А потом был провал. И Рябцева сослали в располагающийся в сыром и темном подвале архив УВД, придумав поистине дьявольское наказание. Оцифровывать архивные записи... Оцифровывать архив, вашу мать! Тупеть, тыкая одни и те же кнопки: «опции» – «копировать в файл» – «старт». С утра до вечера, 8 часов в день, с понедельника по пятницу, с января по декабрь...

Первые год-полтора Рябцев надеялся, что его повинность скоро отменят. Но о Рябцеве словно забыли.

Утешал он себя тем, что это было лучше, чем ничего. Платили в полиции в последнее время весьма неплохо. Рябце-

ву, благодаря заработанным в отделе угонов погонам, полагалась соответствующая надбавка за звездочки. На жизнь им с женой хватало. Работа непыльная. Не опасная. Да, униЗИтельно – но это можно проглотить. Если бы тогда, три года назад, его просто турнули из полиции, работал бы сейчас каким-нибудь охранником на складе или в офисе сутки через двое. Лучше было бы? Вряд ли.

Рябцев заложил на прозрачную поверхность сканирующего устройства очередную бумагу из оперативного дела 15-летней давности и закрыл крышку. Опции – копировать – старт.

Каждой странице документов, оцифровыванием которых он занимался, нужно присвоить соответствующий номер, переименовывая файл. После чего копировать в нужную папку. Все просто.

Нажав «старт», Рябцев вернулся к косынке. Расклад никак не удавался. Иногда ему казалось, что он отупел здесь настолько, что его мозг не способен уже на очевидные вещи.

Телефон здесь звонил редко. И когда неожиданно раздалась сухая трель, Рябцев невольно вздрогнул.

– Слушаю.

– Рябцев? – к своему удивлению, Рябцев узнал голос секретарши Лопатина. – Сергей Вениаминович вызывает.

Секретарша бросила трубку, оставив оторопевшего Рябцева наедине с мыслями.

– Твою мать...

Шеф управления? К чему Лопатину вызывать Рябцева? Пару лет его не вызывал даже шеф угрозыска, несмотря на то, что формально Рябцев все еще числился в криминальной полиции. Все оперативки проходили без него, а единственные контакты с руководством ограничивались «Здравия желаю» в коридоре – словами, в ответ на которые опер даже небрежный кивок получал не каждый раз. Ну и еженедельными отчетами перед архивным начальством об успехах по оцифровке, само собой.

Если бы в УВД Домодедово проводился конкурс на самого жалкого сотрудника, первое место с большим отрывом от конкурентов занял бы Рябцев.

Для чего? В голове пронеслись самые паршивые мысли. Его выкидывают. Это когда-нибудь должно было случиться. Наконец-то начальство поняло, что без паршивой овцы стадо выглядит лучше. «Черт... Что я скажу жене?» Но тут же Рябцев одернул себя. Спокойствие. Чтобы выкинуть тебя из ментуры, шефу УВД суетиться совсем не обязательно.

«Но что же тогда, твою мать?!»

А вдруг... Надежда мелькнула, словно падающая звезда. А вдруг его наконец-то выдергивают из этого болота и...?

И снова Рябцев одернул себя. Как говаривал его покойный отец – делай, что должен делать, а там будь что будет.

Перед приемной Рябцев одернул свитер и поправил воротник рубашки. Секретарша, щебетавшая по телефону, небрежно махнула ему на заветную дверь начальника управ-

ления внутренних дел города Домодедово.

– Сергей Вениаминович, разрешите?

Лопатин листал какие-то бумажки. Покосившись на нервничающего Рябцева, топтавшегося в дверях, кивнул на кресло напротив. Его даже сесть приглашают? Что происходит, черт побери? Рябцев послушно двинулся вперед, осторожно опустился в кожаное кресло и замер, выжидая, что скажет шеф.

Лопатин был здоровенным боровом, по сравнению с ним худощавый и невысокий Рябцев выглядел пигмеем. Лопатин был еще молод – старше 33-летнего Рябцева на пару-тройку лет. Вот что значит хорошие связи в УВД Московской области, где в высоком и чертовски удобном кресле сидел его отец. Впрочем, Лопатин, поговаривают, сам был неплохим спецом. Начинал с оперов, как и Рябцев, только в другом подразделении. А через десяток лет – пожалуйста, полковник и шеф управления.

Лопатин снова покосился на Рябцева и вернулся к бумажкам. Рябцев нервничал, но старался это скрыть. Бросив взгляд на бумажки в руках Лопатина, на картонной потрепанной обложке он заметил знакомые, нанесенные черным маркером каракули.

Лопатин смотрел его личное дело.

– Так, – кашлянув, нарушил тишину Лопатин. Прикрыл папку и отложил, лицевой стороной вниз. Опер даже в кресле шефа остается опером, мать его. Полковник устался

цепкими черными глазами на Рябцева, словно мало ему было, что опера итак раздирала неизвестность и самые нехорошие предчувствия. – Как служба, Рябцев?

А ты посиди в подвале пару лет, поймешь. Рябцев замаялся, не понимая, чего от него ждут. Ответ прозвучал глупо:

– Стараемся, товарищ полковник.

– В архиве тебя хвалят.

Повторять «Стараемся» Рябцев не стал, это было бы вообще верх тупости. И он просто кивнул.

Лопатин сделал глоток кофе. У него была выдающаяся кружка. Черная, широченная – и двумя ладонями не обхватишь. Обращенную к Рябцеву сторону кружки украшало лаконичное «BOSS».

– Хорошо, – буркнул Лопатин. – Ты ведь у нас восемь лет в отделе угонов работал?

– Так точно. Почти девять.

– Я тут посмотрел, ты неплохо показывал себя. По раскрытиям был один из лучших.

– Мне... – Рябцев тщательно подбирал слова. – Очень нравилось этим заниматься, товарищ полковник.

– Машину хорошо водишь?

– Само собой. Как иначе-то по угонам работать...

Лопатин хмыкнул. И наконец перешел к главному.

– Не знаю, следишь ты за сводками или нет. У нас мокруха на трассе. Там сейчас группа всю работу. Нехорошая какая-то мокруха... По почерку один в один как и та, что две

недели назад была. Там же на М-4.

Рябцев растерялся от неожиданности. Про двойное убийство 12 или 13 дней назад на участке трассы М-4 «Дон» Рябцев слышал. Не от коллег, потому что с ним в УВД особо никто и не общался – а, как и простые обыватели, по телевизору. Тогда неизвестные расстреляли семью пенсионеров. Проккололи шины шипами, скрученными из гвоздей, и заставили таким образом остановиться машину стариков. После чего открыли огонь. Не взяли ничего: кошелек в кармане убитого, магнитола, серьги убитой. И даже машина.

Но растерялся Рябцев от другого.

– Да, я слышал. Но... – опер собрался с духом. – Сергей Вениаминович, я честно говоря не совсем понимаю... При чем здесь я?

Лопатин вперил в него изучающий взгляд.

– Ты три года в архиве просидел. Проклинаешь, наверное, все это.

– Спорить не буду, – робко ввернул Рябцев. От слов Лопатина у опера ёкнуло сердце. Этот момент, вот оно. Свершилось. Его возвращают к оперативной работе. Рябцев не мог поверить. Словно сон. В голове сразу мелькнула мысль, что первым делом он позвонит жене. Вика должна знать. Пусть ценит то, что чуть не потеряла.

Словно в подтверждение его мыслей, Лопатин задал вопрос в лоб:

– Хочешь вернуться в обойму, так сказать?

Все сошлось. Рябцев много лет работал по угонам, и работал очень неплохо. Что греха таить, до того косяка со стукачом непосредственного шефа Рябцев считался одним из лучших в подразделении. Сейчас в районе Домодедово произошли два убийства. Это уже серия. И опера, судя по всему, хотят проверить версию по линии угонщиков и автобанд, ошибающихся в этой части Подмосковья. И тут они вспомнили про старого доброго Рябцева!

Он с трудом сдержался, чтобы не просиять.

– Спрашиваете, товарищ полковник. Еще бы. Конечно.

– Это все ерунда, – шеф УВД кивнул на личное дело Рябцева. – Как я понял, у вас был конфликт с твоим бывшим шефом, Курбатовым. Так вот Курбатов у нас уже год как не работает. И как бы все можно устроить. Как ты на это смотришь?

Лопатин словно пытался убедиться в очевидном. Но в тот момент Рябцев еще не понимал, что за этим стоит.

– Я готов, Сергей Вениаминович, само собой, – горячо выпалил опер. – Черт, да я... Простите. Спасибо! Я этого момента, честно говоря, давно жду. Уже и не думал... – выдохнув, Рябцев решил брать быка за рога. – Вы спрашивали про убийство на трассе. Я там нужен? Мне выезжать на место? Они еще работают?

– погоди ты, – буркнул Лопатин. Покопавшись в бумажках, натянутых в перекидной календарь, полковник выудил мятый квадратик бумаги для записок и протянул Рябцеву. –

Вот. Здесь адрес. Езжай в Москву.

Опер взял бумажку, машинально глянул на каракули.

– В Москву?

– К нам прикомандирован следователь из центрального аппарата Следственного комитета, – проворчал шеф УВД. Очевидно, сей факт его не особо радовал. – Какой-то важняк из главного следственного управления. Заберешь его и повезешь на место. Ну и дальше, куда он скажет. Считай, что ты временно переходишь в его распоряжение.

Лицо Рябцева вытянулось. Это был как удар под дых. Теперь все стало понятно. Он встретился глазами с Лопатиным.

– То есть... То есть, я как бы его водитель?

Лопатин пожевал слова во рту перед тем, как нехотя проворчать:

– То есть как бы да. – полковник решил, что можно и подсластить пилюлю, хотя мог этого не делать: – Послушай, Рябцев. Я даю тебе шанс. Покатаешь этого московского хмыря. Неделю, может две. Потом он свалит назад, а мы с тобой что-нибудь придумаем. Тем более что принимать участие в настоящей работе – это ведь все равно лучше, чем сидеть в подвале и сканировать документы для архива?

Что оставалось Рябцеву? Подавленный, он лишь кивнул:

– Так точно.

Московский следак произвел на Рябцева самое неприятное впечатление, которое только можно было. И это при том, что в целом Рябцев отлично ладил с людьми, а до ссылки в подвал и в управлении считался рубахой-парнем.

Следака он подобрал около жилого дома на тихом и сонном Тушинском проезде в Северо-Западном округе. Тот стоял с кожаной папочкой подмышкой и смотрел в пространство. Рядом на тротуаре стояла спортивная сумка, плотно чем-то набитая. Угрюмый, худосочный, с впалыми щеками и острым носом, он выглядел болезненным. А в его взгляде, которым тот одарил тормознувшего рядом Рябцева, было что-то, заставившее опера внутренне содрогнуться.

Когда следак бросил сумку на заднее сиденье и уселся рядом, Рябцев почувствовал легкий запах перегара.

– Добрый день, – улыбнулся Рябцев и представился, протягивая руку: – Я из Домодедово. Капитан Рябцев. Владимир. Вы Бегин?

Бегин, открывая папку, скользнул равнодушным пустым взглядом по протянутой руке.

– Поехали. Я хочу осмотреть место, пока от него хоть что-то еще осталось.

Рябцев тронулся, мысленно матеря как напыщенного следака из СК, так и Лопатина. Очевидно, работа будет не из легких. Он включил передачу и тронулся. Рябцев вел автомобиль к МКАДу. Выкатив на кольцевую, по автострате

он двинулся вниз. Дорога была заполнена транспортом. Город вечных пробок. Пока машина двигалась к съезду на М-4, никто не произнес ни слова. Вскоре после развилки жилой сектор закончился – резко, словно отрезали – и за окном потянулись деревья, а крайние полосы заметно пополнились большегрузными фурами, тянущимися как в город, так и из него. Встречные полосы, тянущиеся в город, почти «стояли», зато Рябцев беспрепятственно двигался вперед. Сейчас практически утро – а через 4—5 часов ситуация будет прямо противоположной.

Здесь, на трассе, Рябцев чувствовал себя гораздо уютнее. Почти дома.

Лишь один раз Бегин отвернулся от окна, за которым задумчиво созерцал кипящую вокруг жизнь, чтобы спросить: – Курить можно?

Рябцев надеялся на это. Ему приказали возить следака – но не ублажать. Тем более в собственной, а не управленческой, машине. И Рябцев с удовольствием отозвался, смакуя каждое слово:

– В моей машине не курят.

Бегин равнодушно, к досаде Рябцева, отвернулся и больше не проронил ни слова.

Группу Рябцев увидел, разменяв 45-й километр трассы. Машины с мигалками оцепили крупный участок сразу на двух полосах движения. ДПСники регулировали поток по оставшейся полосе. К счастью, была первая половина дня,

и особых пробок это не вызвало. Рябцев тормознул около машины ГИБДД. Инспектор двинулся к ним, чтобы наехать. Выходя из машины, Рябцев позабытым уже жестом взмахнул перед ним удостоверением, после чего гаишник сразу же потерял к нему интерес.

Бегин с папкой подмышкой уже шел вперед, протискиваясь сквозь баррикады из натканых вокруг машин. Кого здесь только не было. Местные ППСники, криминалисты, фургон из следственного комитета города Домодедово, машины оперов... Но не работал никто. Работа была давно закончена. Протоколы осмотра места происшествия отписаны, сотни мегабайт фотографий отсняты, следы изучены, возможные вещдоки подобраны и наверняка уже отправлены на экспертизы. Все здесь просто убивали время – ждали высокую шишку из центрального аппарата СК, которая соизволила лично. Его, Бегина.

Полукольцом транспорт силовиков окружал крупный участок дороги, в конце которого, у обочины, серела выдавшая виды «Киа». Труп, накрытый куском брезента – из-под полотнища торчали только ноги – лежал у распахнутой водительской дверцы легковушки.

Рябцев присел на капоте своей машины. Со стороны он видел, как скупающие и толкающиеся без дела опера из убойного оживились при виде Бегина, ради приезда которого все и торчали тут битых три часа.

Бегин приподнял кусок брезента, чтобы рассмотреть го-

лову убитого. Та лежала на боку, лицом к Бегину. Он чуть поморщился. Сплошное месиво.

– Пять ранений, три в голову, – донесся голос сзади. – Одна сквозная, две проникающие. Добивали наверняка.

Бегин обернулся. Тонкий и жилистый опер кивнул:

– Убойный отдел, Стасин моя фамилия.

– Гильзы?

– Отправили уже. Две там, – Стасин махнул назад, – Начали палить с семи метров. Еще тремя добивали, – опер указал на меловые кружки в метре от Бегина. – Чтоб наверняка.

– Кто он? – Бегин указал на труп. Стасин открыл блокнот.

– Имя Григорий Африн. Сорок три года. Сам из Тульской области. Был ночным грузчиком на складе на Северо-Западе.

– На складе были?

– Сейчас там наши работают. Отзвонились. Говорят, Африн в три ночи домой уехал. К семье.

– Жена?

– И трое детей.

– Паршиво.

Бегин обратил внимание на спущенное переднее левое колесо легковушки. Склонился, заглянул под бампер. Ошметки резины вокруг вырванного из шины куска он нащупал сразу.

– Он остановился, чтобы проверить колесо, – сказал Бегин. – Чем пробили, нашли?

– Секунду.

Стасин криком подозвал кого-то, замахал руками. К ним подошел еще один опер, который вручил Бегину завернутый в полиэтилен «ёж». Бегин осторожно взял предмет. Повертел, изучая. Очень простая и надежная конструкция. Связка из нескольких 10-сантиметровых в длину гвоздей, скрученных шляпками. Острые концы растопырились в разные стороны. Одна из них была изогнута зигзагом – именно она вырвала с мясом кусок резины из колеса.

– Самодельные шипы, – прокомментировал Стасин. – Куриная лапа. Мы их так называем. Их тут шесть штук было раскидано.

Стасин махнул рукой на асфальт перед машиной, показывая, где именно валялись скрутки из гвоздей.

– Взяли что-нибудь?

– Мокрушники? Нужно проверять. Но кошелек, мобила... Все на месте.

Бегин в последний раз бросил взгляд на «куриную лапу» и вернул ее Стасину с вопросом:

– Такие шипы – в первом эпизоде они тоже были?

– Такие же, один в один, – живо подтвердил Стасин. – И почерк тот же. Раскидали «куриные лапы» по асфальту. Пробили колеса, остановили машину. А потом изрешетили людей пулями и свалили, падлы.

Бегин осмотрелся, представив, что всех машин, облепивших место преступления, нет. Что сейчас ночь. Обычный

участок трассы почти в 50 километрах от Москвы. В четвертом часу ночи здесь наверняка пустынно. Освещения на этом участке почти нет.

А за обочиной – сразу лес.

И где-то там бедолагу поджидали убийцы.

– У нас начальство икру мечет, вдруг будет и третий эпизод, – посетовал Стасин. – А нам серийников только не хватало.

Бегин продолжал задумчиво смотреть на лес.

– Икру мечет? – отозвался он отстраненно, словно беседовал сам с собой или с кем-то, недосягаемым для глаз Стасина. – И правильно делает. Потому что те, кто убил этих людей... Они сделают это снова. И очень скоро. Поверь мне.

Глава 2

В здание УВД Домодедово Бегин входил в сопровождении Стасина и Наумова – еще одного опера из местного убойного отдела, грузного и усталого от жизни небритого очкарика около 40 лет. Когда Бегин проходил мимо дежурки, он заметил, как местные внимательно косились на него, чужака.

– Вам кабинет на третьем этаже выделили, на время работы, – пробубнил Наумов, неопределенным взмахом руки указывая в никуда.

Бегин скользнул взглядом по мемориальной доске с фотографиями погибших при исполнении сотрудников на стене. Свежим, судя по обновленной полицейской форме на фото, было лишь одно. Со снимка, обрамленного черной траурной полосой, на Бегина смотрело широкое лицо человека с волевой челюстью. Короткая стрижка, начинающая лысеть голова, поджатые губы и цепкий, профессионально-ментовской взгляд. «Аркадий Васильевич Зубов. Майор полиции».

– И наш шеф хотел с вами встретиться, наметить план мероприятий, – подключился Стасин. – Может, сразу зайдем? Он просил...

– Принесите мне все материалы по первому убийству, – перебил Бегин. Он прошел мимо дежурки, замечая, как местные внимательно косятся на чужака. – Мне не о чем говорить, пока я не буду знать все, что нужно.

– Но шеф...

– Он ваш шеф, – равнодушно заметил Бегин, делая акцент на слове «ваш». – Не мой.

Стасин и Наумов многозначительно переглянулись.

Рябцев остался снаружи. Когда Бегин ушел, до Рябцева дошел озадачивший его факт. Идти ему было некуда. В архиве его уже не ждут. А в уголовке ему просто нет места. Не в дежурке же ошиваться. Рябцев выругался сквозь зубы, вздохнул и принялся мастерить самокрутку.

Три года назад, когда Рябцева сослали в подвал УВД, он поначалу убивался по этому поводу. Выпивал часто – не без того, что греха таить. Потом до опального опера дошло, что нужно копить деньги. Если его все-таки выпрут из органов – лучше иметь подушку безопасности в виде определенной суммы денег на банковском счету, которой хватит хотя бы на первое время. Как и многие другие в похожей ситуации, Рябцев пришел к однозначному выводу: нужно бросать курить. И да, он бросил. Сейчас Рябцев даже не мог представить, как ему удалось реально не курить целый год. А после... после была история с Викой, из-за чего Рябцев сорвался и пустился во все тяжкие.

Лечит не только время, но и не самое завидное финансовое положение. Теперь Рябцев, правда, не осмелился бросать хреновую привычку. Вместо этого он перешел на самокрутки. Арифметика проста: нужно покупать не только табак, но и фильтры, и папиросную бумагу. Однако экономия

оказалась существенной – теперь на эту дрянь Рябцев тратил раза в три меньше денег. Другим важным плюсом был процесс изготовления самокрутки. Неспешный, полумедитативный, размеренный, он не только помогал отвлечься от мирской суеты, но и позволил оперу существенно сократить курение. Ведь если дымить каждые полчаса, как с обычными сигаретами – то кроме курения и изготовления самокруток ни на что и времени больше не хватит. Так что как ни крути – одни плюсы.

Но отвлечься от мирской суеты не получилось. В окно водительской дверцы постучали костяшками кулака так резко и громко, что от неожиданности Рябцев просыпал на ноги всю заготовку под самокрутку.

– Твою мать!

Это был Головин. Довольный эффектом, он запрокинул голову и заржал.

Рябцев выбрался из машины, угрюмо покачивая головой:

– Падла ты, Головин.

– Ты б рожу свою видел! Даров, архивная крыса. – Рукопожатие Головина было крепким и энергичным. – Как она?

В сторонке стоял Шахов, поглядывая на Рябцева изподлобья. Рябцев сдержанно кивнул ему и получил такой же кивок в ответ. Шахов подходить не собирался – будучи другом Курбатова, после конфликта три года назад он серьезно невзлюбил коллегу-опера.

– Уже не архивная. – Рябцев сплюнул. – У начальства но-

вая прихоть. Теперь я вожу следака из Москвы.

Головин оживился:

– Который по мокрухам работать будет? Ништяк. Ну и как он тебе?

– Честно? Му... к му... ком.

– Хреново, – Головин пригорюнился. – Очень хреново. Нас тоже в группу включают. По линии угонов и всех дорожных дел шерстить будем.

– Удачи.

– Слушай, – Головин кашлянул. – Брателло, раз такие дела... Может, побазаришь с кем-нибудь из твоей бывшей агентуры? У тебя контакты покруче наших с Шаховым были. По любому ты на связи с некоторыми все еще... А?

Рябцев почувствовал очередной укол обиды. Так, все так. Агентура Рябцева и помогала ему быть одним из лучших в подразделении.

Но за борт выкинули именно его. Поэтому Рябцев постарался, чтобы его ответ прозвучал как можно более равнодушно.

– Мне вообще плевать. Мое дело баранку крутить.

– Зря ты так, Вован.

– А ты поторчи в подвале три года, потом поговорим.

Головин не нашелся, что ответить. Кивнул, хлопнул Рябцева по плечу и двинулся к дверям управления. Шахов напоследок одарил Рябцева неизменным холодно-неприятным взглядом и двинулся следом за напарником.

Рябцев вернулся за баранку.

– Пошли вы все...

Сделал глубокий вдох, успокаиваясь. Достал пакет с табаком и новый листочек папиросной бумаги и принялся мастерить новую самокрутку.

Кабинет Бегину достался неплохой. Стол, стулья, шкаф. Ничего лишнего, зато сюрпризом был чайник и банка кофе. Налив себе напиток покрепче, Бегин сел за изучение материалов, подвезенных из отдела СК по Домодедово.

Убийство произошло почти две недели назад, 3 мая. Жертвы – супруги-пенсионеры, Пыжов Константин Анатольевич и Пыжова Наталья Александровна. Их «Рено-логан» обнаружили на 79-м километре М-4 «Дон» близ Домодедово. Проезжавший перед рассветом дальнобойщик обнаружил в свете фар труп человека. По рации он связался с коллегами, один из которых в это время приближался к посту ДПС. Он и сообщил в полицию о находке.

Неподалеку от машины криминалисты, работавшие на месте, обнаружили шипы-ловушки. Бегин внимательно изучил фото. Такие же «куриные лапы» как и те, которые он видел сегодня. Одна, которая и пробила колесо, была деформирована и, подчиняясь какой-то своей траектории, улетела в обочину.

Почувствовав прокол, Пыжов съехал в обочину, включил аварийку и вышел из машины. Он даже успел достать домкрат и открыть отсек с запаской, когда появились убийцы.

Совещание с местными проходило в кабинете шефа криминальной полиции Домодедовского УВД. Местное начальство согнало на встречу со следователем целую толпу народа – здесь были опера от большинства подразделений угрозыска, а также люди из местного СК, представители ЭКЦ и прочие.

– Меня зовут Александр Ильич Бегин, я следователь по особо важным делам из главного управления СК, – представился Бегин, скользя глазами по присутствующим. Оперативника, который забирал его из Москвы, а затем привез сюда, в кабинете не было. – Хочу сообщить, как обстоят дела. У вас намечается нехорошая серия. Уже три трупа. Поэтому ваше и наше руководство в главке решило сформировать оперативный штаб для поиска преступников здесь, в Домодедово, поближе к местам совершения преступлений.

Лопатин, сидящий рядом, покивал, перехватывая пальму первенства и показывая, кто в доме хозяин. После чего кивнул кому-то из оперов:

– Давайте, чтобы время не терять. Докладываем, что мы имеем на данный момент.

Наумов из убойного почесал репу.

– Супруги Пыжовы. Оба москвичи. В ночь на третье они выехали к родственникам в Тверь. К сыну. На праздники, так

сказать. Трупы обнаружили в три сорок. Дважды им выстрелили в живот, потом каждому контрольный в голову. Женщина как сидела в кресле, так и осталась там. Мужик вышел, его около машины и положили...

– Что пропало?

– Поначалу решили, что ничего. Бумажник у мужика был в кармане. Деньги, документы, права. Телефон. Потом стали пробивать. Оказалось, что у его жены тоже была труба. Вот ее и взяли. Если эти упыри забрали что-то еще, то мы об этом не знаем, – опер покачал головой. – Сотовый телефон, понимаете?

– Версии?

– Сработали убийцы сами видите, как. На заказуху похоже. И мы по этой линии отработали все, что могли. Но без выхлопа.

– Совсем?

– Одинокие пенсионеры, долгов нет, конфликтов нет. Больших денег у них не было никогда, жили в однушке. В общем... – Наумов пожал плечами. – То есть, видно, что убийцы готовились. Может, уровень подготовки у них у самих хороший. А может и нет. Но к преступлению они однозначно подошли серьезно. Все похоже на заказное убийство. Но мотивов для заказа просто не было. Ни намек.

Наумов машинально похлопал по карману, потом опомнился, что он на совещании, где курить нельзя. Вздыхнул и устало, как обычный человек, а не профессиональный

опер, добавил:

– Итого: два трупa. И сотовый телефон, который взяли мокрушники. Один старый дешевый и никому не нужный мобильник...

Лопатин кашлянул, прерывая лирику подчиненного. Бегин – наоборот – кивнул Наумову, поддерживая. Сверился с бумажками.

– По баллистике что?

Криминалист из экспертно-криминалистического центра Домодедово заготовил с собой схемы и таблицы.

– Стреляли как минимум из двух стволов. Ну вы и сами по картинке видите: один палил в женщину со стороны пассажирской дверцы, второй в водителя. Всего пять пулевых. И все в яблочко. А ведь ночь, темно, стрелять могли на бегу...

Бегин кивнул, понимая, к чему тот клонит. Стреляли профи.

– Гильзы стандартные, девять миллиметров?

– Но со спиленными номерами. Напильниками поработали. Так что происхождение боеприпасов, простите, хрен установишь. С пулями тоже беда. Для исследования более-менее подошла только одна, остальные сильно деформированы.

– И что с пулей? Ваше мнение?

Криминалист вздохнул.

– Я не хочу делать выводы поспешные. Может быть са-

мопал. Но бандосы из самопалов лет 15 уже не стреляют. Что, на черном рынке стволов нормальных не купить? Да и по характеристикам смотрите: из самопала какая кучность, там бы половина пуль точно в молоко ушла. Моя версия – какой-то редкий ствол, иностранного производства, которого у нас нет в базе.

Бегин кивнул. Вмешался Лопатин:

– Ситуация у нас конечно хреновая. Убийства как будто немотивированные. А почерк похож на работу профессионалов. Но я бы хотел отметить, что они мастерят кустарные шипы из гвоздей, эти самые «куриные лапы». Уровень гопников...

– Я видел эти конструкции, – возразил Бегин. – Ловушки хоть и кустарные, но выполнены очень грамотно.

– Знаете, я по своему опыту... – не сдавался Лопатин. Слушать его дальше у Бегина не было никакого желания.

– Возьмите эту «куриную лапу» на досуге и бросьте на асфальт. Вы увидите, что в любом положении она ляжет одним из острых концов вверх. Конструкция очень простая, но тот, кто ее сделал, все продумал и позаботился о ее устойчивости. Они могли бы раздобыть ленту – вроде тех, которыми ДПС останавливает нарушителей – но это не практично. Она стоит денег, а еще ее могут заметить в свете фар. «Куриные лапы» из скрученных гвоздей в ночное время суток и на темном асфальтовом покрытии не заметны вообще.

Лопатин молчал. По тому, как он набычился, было видно,

что полковник не привык, чтобы с ним так разговаривали. Тем более в его собственных владениях.

– Я посмотрел материалы, – продолжал Бегин. – Преступников пытались взять по горячим следам в обоих случаях. И две недели назад, и сегодня. Объявили план «Перехват», перекрыли трассу в обоих направлениях, проверяли машины. Но операция ничего не дала. Почему? Шмонали-то, как я понимаю, всех. Значит, у них был план отступления. Проселочные дороги, возможная смена транспорта, собственный безопасный коридор – что угодно. Одно я вижу точно. Это – НЕ уровень гопников.

– Раз вы откомандированы к нам, вы ведь и жить здесь будете? Нам так обрисовали ситуацию.

Если Лопатин и затаил злобу на Бегина, то после совещания никак это не показывал. Тем более, что цель была достигнута. Теперь оперативную работу УВД курировал пришелец из Москвы, а не кто-либо из местных, домодедовских, следаков, связи и знакомства которых с коллегами из УВД, с чиновниками и прочими не самыми последними людьми в городе запутались настолько, что спихнуть какой угодно рабочий косяк или недоработку на коллег из следственного ведомства не представлялось возможным. Отныне эта проблема решена.

– Здесь рядом есть небольшая гостиница, – продолжал Лопатин, провожая Бегина к его временному кабинету на третьем этаже. – В шаге от управления практически. С руководством мы обо всем договорились, там свои люди. Хотите сейчас посмотреть?

– Просьба небольшая. Есть другие варианты?

– В смысле?

– Место поспокойнее. Где нет людей, горничных и прочего.

Лопатин был озадачен.

– В гостинице очень удобно. Мы ведь не деревня какая-то. Да и вы не первый, кто там останавливается, и...

– Спасибо – нарочито вежливо сказал Бегин. – А все-таки? Я не социофоб, но, когда я не на работе, предпочитаю быть один. В гостинице это сложно. Сами понимаете.

Лопатин поскреб подбородок.

– Постараемся что-нибудь придумать.

– На балансе УВД наверняка есть пара-тройка квартир, – мягко подтолкнул полковника Бегин.

– Вы... вы имеете в виду конспиративные? Боюсь, там не совсем те условия.

– Мне не нужны хоромы. Сойдет практически все.

Любой другой двадцать раз пожалел бы об этих словах, лишь переступив порог квартирки. Старая однокомнатная дыра на пятом этаже одной из последних высоток на самой окраине Домодедово, с видом на не менявшийся с послево-

енных лет частный сектор. Скрипучая рухлядь-мебель, допотопная газовая плита. Но мощная железная дверь.

– Сойдет, – кивнул Бегин и, помедлив, бросил сумку на кровать.

Рябцев, в тот вечер доставивший его на конспиративную точку, как и полагает личному водителю, с сомнением осмотрелся по сторонам и покачал головой.

– Ничего не меняется. Я тут бывал лет шесть назад. Сейчас все то же самое, только еще хуже. Ни ремонта, ничего.

– Меня все устраивает.

Рябцев решил для себя окончательно, что визитер с заскоком. Появилась даже версия, что этого фрика специально спланировали в командировку с глаз долой, чтобы не позорить ведомство. Он молча пожал плечами и положил на стол ключи от квартиры.

– Ну, в общем, мой номер у вас есть. Если что, звоните, подъеду сразу.

Бегин кивнул, продолжая осматриваться. Рябцев уже хотел было выйти, но не удержался.

– Вы сами машину не водите, да?

Почему-то Бегин поколебался перед ответом.

– Это долгая история. Но нет, я не вожу автомобиль.

Рябцев мотнул головой, хотя ничего не понял. И шагнул к двери, но теперь его остановил Бегин.

– Вы ведь оперативник? Вас не было на планерке. Почему?

– Это тоже долгая история, – невесело усмехнулся Рябцев. – Как-нибудь, может, и расскажу. Если у вас будет желание слушать.

Прощаясь, Бегин просто кивнул головой.

Когда за Рябцевым захлопнулась дверь, он сел на кровать и какое-то время смотрел в никуда, о чем-то размышляя. Медленно встал, прошел к холодильнику. Заглянул внутрь. Так и есть, пусто.

Магазин он «срисовал» перед поворотом во двор, тот находился на первом этаже соседнего дома. Магазин достаточно крупный. Значит, с лицензией на алкоголь. Минут через десять Бегин уже был там. Сунул продавцу мятую купюру.

– Пиво. Десять бутылок.

Он был бы рад не делать этого. Да вот беда – без алкоголя Бегин был не в состоянии уснуть. Так продолжалось уже много лет. С тех самых пор, как случилось то, что перевернуло всю его жизнь, разделив ее на «до» и «после».

На ужин была тушеная картошка с индейкой. Рябцев откровенно недолюбливал тушеную картошку, о чем Вика отлично знала. Но сейчас было не до этого.

– А вдруг это мой шанс? – говорил он. – Я пока не знаю, как проявить себя, я ведь просто буду возить этого козла и все... Но сегодня только первый день. Я что-нибудь при-

думаю. Должен придумать.

Но Вика была настроена скептически, что не могло не раздражать Рябцева.

– Ты тогда, три года назад, тоже так говорил...

– Сейчас другое, блин, – рассердился Рябцев. – Эти три года я торчал в подвале, и все, с кем я контактировал – бумаги архива за 70-е и 80-е года. Есть разница, нет?

– Володь, чего орешь сразу?

– Я не ору. – Рябцев покряхтел, успокаиваясь. Отправил в рот полную ложку картошки. – Лопатин обещал. Сам шеф УВД меня к себе вызывал. И он мне так и сказал: если все пройдет нормально, подумаем. Это его слова, понимаешь?

Вику беспокоило, как оказалось, совсем другое.

– Ты только сильно губы не раскатывай. Ну, я тебя прошу. Потому что если ничего не получится и тебя потом опять пошлют старые бумажки сканировать... Я не хочу, чтобы ты запил снова. Володь, я второй раз не выдержу.

Лицо Рябцева налилось кровью.

– Не выдержишь? В смысле, в койку к своему Вадиму опять прыгнешь, когда жареным запахнет? И в здравии, и в горе, да, б... дь, «жена»?

Викю словно ударили. Она опустила глаза и не проронила в ответ ни слова. Рябцев успел заметить, как задрожал ее подбородок. И это вывело его из себя еще больше.

– Твою мать, а!

Рябцев швырнул вилку на стол и вылетел из комнаты. При

этом он действовал так демонстративно, что налетел плечом на дверной косяк. Плечо заныло от тупой боли, что выбесило Рябцева еще больше. Он вышел на балкон, хлопнув дверью, и принялся сооружать самокрутку.

Это случилось полтора года назад. Рябцев окончательно смирился с новыми условиями существования. Позади был даже период бросания курить, когда от нервов он порой готов был лезть на стенку. В этот момент его ждал удар с той стороны, откуда опер ждал его меньше всего. Из дома. В тот день начальник архива отмечала день рождения. В честь этого не ахти какого события на чаепитие с тортиком пригласили даже Рябцева, которого в архиве считали белой вороной сверху и откровенно его чурались. После импровизированного банкета с пошлыми речами и непременно открыткой большинство сотрудников отпустили пораньше – кроме дежурного специалиста.

Вика, менеджер в одной из инвестиционных фирм, натканых в новой высотке на Каширке в центре Домодедово, часто возвращалась домой пораньше, и ее присутствие Рябцева не удивила. Сама Вика плескалась в душе. А затем было одно из тех самых совпадений, которые иногда случаются. Если бы на сотовый Вики не позвонила ее мать, Рябцев не взял бы трубку в руки. Если бы не взял – не увидел бы СМС от Вадима с содержанием, от которого Рябцева словно локомотив переехал: «Мне было супер. Целую. Завтра у меня». И трогательный смайлик в конце...

Рябцев был растоптан. В тот день он выпалил растерянной и паникующей Вике все, что о ней думает, и хлопнул дверью. Ночевал у приятеля, с которым нажрался до беспамятства. Утром нашел в себе силы позвонить на работу и сказать, что болен, после чего нажрался снова. И на следующий день, только теперь ночевал у Головина из отдела угонов, который, к счастью, как раз был в отпуске. Все это время Вика пыталась дозвониться до него, но он не брал трубку. Она писала СМС, самые разные – от «Давай поговорим!» и «Прости меня» до «И что, это все, конец?».

Они с Викой жили в его квартире, доставшейся Рябцеву от покойных родителей. И поговорить им все-таки пришлось. Вика старалась не плакать. Она говорила, что последние полтора года ей было безумно тяжело – муж в депрессии из-за проблем на работе, у них на какое-то время исчезла интимная жизнь, она тянула на себе хозяйство и сама постепенно скатывалась в депрессию от всего этого. Правда в словах Вики была, и даже больше, чем готов был вслух признать Рябцев. Вика умоляла подождать и не спешить. Признавала, что виновата полностью, но просила постараться войти в ее положение. Клялась, что больше никогда...

Постепенно все сошло на нет. Рябцев ничего не забыл. Периодически он проверял телефон Вики, ее ноутбук, научился даже смотреть историю в журнале браузера. Это не стало навязчивой идеей, он не помешался на поиске доказательств ее неверности. Рябцев лишь никогда больше не хотел снова

проходить через то, через что прошел. Он любил Вику, хотя поначалу пытался заставить себя поверить в обратное. Рябцев ничего не простил, но со временем все реже вспоминал о том случае. Ведь нужно как-то жить дальше?

– Б... дь, – вздохнул он, выбрасывая окурок с балкона. И вернулся на кухню. Вика мыла посуду. Рябцев увидел, как напряглась ее спина при его возвращении. Рябцев молча сел на стул. В их семье это означало, что горячий, но отходчивый Рябцев готов к диалогу.

– Я совсем не это имела в виду.

Рябцев снова вздохнул.

– Я знаю, Вика. Это так... Накатило.

– Я люблю тебя, – не оборачиваясь, сказала Вика. Она продолжала машинально натирать тарелку. – Все, что было, мы обсудили миллион раз. Я была виновата перед тобой. Я извинилась. Я извинялась год. Год, Володя. И последнее время мне... ну не знаю... начало казаться, что мы перелистнули эту страницу.

Забыть о предательстве невозможно. Сделать вид, что забыл – да. Спрятать поглубже – тоже. Забыть – некогда. Но этих слов Рябцев говорить не стал. Вместо этого он повторил:

– Да. Я знаю.

Опер заставил себя встать и обнять Вику. Она прижалась к нему и поцеловала. Поцелуй был горячим и чуть соленым. Уже через минуту Рябцев мысленно корил себя за несдер-

жанность. Как можно злиться – на нее?

– Извини, – прошептал он, проникая рукой под халат Вики. – Я люблю тебя. Все будет хорошо. Да?

Глава 3

Света по утрам привыкла все делать на ходу. Удаленность от работы и 10-летний сын – лучшие стимулы для появления многозадачности. Вот и сейчас она умудрялась доваривать суп для сына на вечер, есть йогурт и одновременно просматривать свежие письма в электронной почте на своем смартфоне. Из комнаты Паши, где добрых минут десять скрипели стулья, гремели ящики комода и хлопали дверцы шкафа, донеслось протяжное:

– Ма-а-ам!

– Ну чего?

Топанье ног. В дверях кухни возник ее 10-летний оболтус. Так и есть: он уже в штанах, что само по себе радует, но еще в майке. Света возмутилась:

– Паш, что за фигия? Ты знаешь, сколько время уже? Сейчас дядя Федя придет!

– У меня рубашка грязная. Вон.

Паша продемонстрировал белую школьную рубушку, все полы которой занимало мутное светло-коричневое пятно. Света ахнула:

– Паша, ну как же...! Ты ее в унитаз окунал или как?

– Я чай в столовой пролил, – голос Паши звучал жалобно. Какого черта не сказал сразу?

Паша виновато молчал. Чертыхаясь сквозь зубы, Света

метнулась в детскую. Распахнула шкаф, сорвала чистую – вроде – рубашку и всучила сыну.

– Надевай эту. Но блин, в следующий раз, если сразу не скажешь, пойдешь в школу как бомж, ясно? Я бы ее с вечера постирать двадцать раз могла! Паш, сколько раз можно...!

От нотаций парня спас звонок в дверь. И виноватого вида у Паши как не бывало.

– Ура! Укол приехал!

По пути к двери Света успела выключить доварившийся суп и запустить грязную после йогурта ложку в раковину. Многозадачность как она есть.

За дверью стоял Федор. Небритый здоровяк с пудовыми кулаками и широкой улыбкой.

– Укол? – проворчала Света, впуская его в квартиру. Федор хмыкнул:

– Так сразу? Давай начнем с шампанского.

– Можно без кликух с моим сыном?

– Во-первых, не кликуха, а сокращение от фамилии. От нашей общей, если что, фамилии. А во-вторых, в школе, думаешь, они друг друга никак не называют?

Света вздохнула и чмокнула его в небритую щеку.

– Братишка, спасибо что согласился подвезти. Без машины как без рук.

– Завтра все будет готово, я созванивался с пацанами из сервиса, – обрадовал Федор.

– Дядь Федя, драсте, – в конце прихожей нарисовался Паша. – Мам, где мои носки?

– Твою ж... – Света делает глубокий вдох. – Верхний ящик комода, Паша. Где всегда!! Растяпа, блин. И перед выходом в туалет сходи, чтоб не как вчера!

– День не задался с самого утра? – Федор вечно над ней посмеивался, что только больше бесило. – Расслабься.

– Тебе хорошо говорить, бизнесмен.

– Пошли ко мне.

– Запчастями торговать? Лучше убейте меня сразу.

Наконец Паша собрался, и втроем они спустились к машине Федора. Это был желтый суперкар «Ниссан», после многочисленных тюнингов и доработок выглядевший, как настоящий хищник дороги. Гордость Федора – в этом автомобиле он вручную перебрал каждую деталь, улучшив все, что можно было улучшить. Мощный двигатель взревел, когда автомобиль рванул с места, провожаемый настороженными взглядами прохожих.

Машина ехала быстро, виртуозно маневрируя на натыканной автомобилями дороге. Федор был виртуозом, он словно родился за рулем.

– Какие планы на выходные? – подала голос Света. – Может, выедем куда-нибудь на природу, а? Погоду вроде обещают хорошую.

Федор виновато покряхтел.

– Да фиг знает, Свет... Мы с ребятами к автопробегу го-

товимся.

– Опять? Недавно же был.

– Девятого мая вообще-то: а это праздник, святое. Сейчас хотим через всю Европу. Маршрут пока прорабатываем с пацанами, детали согласовываем. Там с организацией сложнее, потому что в этом году...

Федор осекся, вспомнив, что его увлечения никогда не интересовали сестру.

– Ладно, – вздохнула Света. – Кстати о машинах. Мне тут утренняя рассылка из пресс-службы ментовской пришла. На трассе около Домодедово человека опять убили. И приписали, что дополнительная информация будет позже. Раз так пишут, значит, дело серьезное.

– И что?

– Я тут вспомнила. Помнишь, недели две назад пенсионеров расстреляли? Там же, на М-4?

– Уроды, мать их, – проворчал Федор.

– Ну вот я и хочу попросить. Ты если узнаешь какие-нибудь слухи-сплетни дорожные, дай мне знать, а? У тебя ж армия последователей.

– Пряма армия, – отмахнулся Федор.

– Я только недавно твои группы в соцсетях проверяла, у тебя там тысяч пятьсот подписчиков.

Брат вздохнул:

– Это все диванные стритрейсеры. Если посчитать реальных пацанов, которые болеют делом, кто готов задницу под-

нять – смело дели на десять. Но я попробую, если тебе так надо.

– Надо, – кивнула Света. – Анжелка сто процентов в тему вцепиться тоже. Если я нарою что-нибудь дополнительное, буду писать одна.

Федор покосился на сестру.

– Я смотрю, ты у него в любимчиках уже. Сначала цикл про город поручил, на прошлой неделе рекламу тебе дал... Редактор твой к тебе там не подкатывает случаем?

– Не говори глупости, – Света зарделась. – У него жена.

– У твоего Лёни тоже была жена, когда...

Света отвернулась. Федор осекся и вздохнул:

– Прости.

Через минуту мощное прокаченное авто притормозило около школы. Ребяшня во дворе провожала сначала ее, а затем довольно Пашку завистливыми взглядами. А «Ниссан», сорвавшись с места и быстро домчавшись до кольцевой, устремился в сторону Каширского шоссе.

С утра в УВД Домодедово Бегин успел лишь глотнуть кофе, когда в дверях нарисовался Стасин.

– Есть! – выдал он. Бегин не бросился с распросами, и Стасин, смущенно кашлянув, вынужден был пояснить: – Мы с женой второй жертвы пообщались. Она из Твери при-

ехала. Показали ей вещи Африна.

– И?

– Оказалось, что мы поторопились, решив, что у него ничего не взяли. Жена заявила, что у него с собой был планшетный компьютер и банковская карта.

– Звонили на склад, где он работал?

Стасин на секунду замешкался.

– Пока нет... Но даже если он вдруг планшетник на работе оставил, кто карту бросает? Хотя мы уточним, конечно.

– Она сказала, сколько было на карте?

– Говорит, около сорока тысяч. Плюс-минус.

– Негусто, – отметил Бегин. – Но учитывая, что у пенсионеров вообще только старый сотовый взяли... В общем, посылай человека на склад. Скорее всего, планшетника там нет. Он был с сим-картой? – по лицу Стасина Бегин понял, что про сим-карту тот спросить тоже не додумался. Профессионалы экстра-класса... – Понятно. Срочно звони ей. Если планшет был с сим-картой, срочно пробивать ее через сотовые компании. Поручение я напишу. Это на первом месте сейчас. Все понял?

– А карта?

– С банком уже связались?

– Африна при мне позвонила. Карта уже заблокирована. Пока никто не пытался ее оприходовать, сигналов из банкоматов не было.

Опера из местного отдела угонов, итак постоянно рабо-

тавшие в тесном контакте с дорожными службами Москвы и Подмосковья, еще накануне раздобыли записи со всех камер наблюдения на пути от Северо-Западного административного округа столицы до места убийства Африна на 45-м километре трассы М-4. Десятки и сотни камер. Тысячи часов однообразного видео с потоком машин. С учетом, что силовики знали ориентировочное время убийства, а значит, и прохождения машины Африна по дорогам Москвы, объем сократился до приблизительно 300 часов.

Результат появился во второй половине дня. Бегин подъялся в отдел угонов, где шустрый Головин и медлительный мрачный Шахов показали ему отобранные фрагменты.

– Записи мы собрали не только с полицейских и гаишных камер, – трындел Головин, активно пиаря свое трудолюбие перед важняком из Москвы. – Со всех заправок и придорожных кафе. Вчера до ночи на ногах были. В итоге вот что.

Шахов щелкал мышкой, сидя за компьютером. В нужный момент он кивнул на монитор:

– Это он.

Черно-белая, но с хорошим разрешением камера засекла серую «киа», которая шустро двигалась по оживленной ночной улице в потоке машин.

– Вот Африн выезжает из Выхино-Жулебино. Вот другая камера, он же.

– Номера машин, которые следуют за ним, пробили? – вмешался Бегин.

– Начали, – Головин вздохнул. – Их там до хрена, так что сами понимаете. Нужно время.

– Вот Африн заезжает на заправку, – комментировал Шахов, щелкает мышкой. – Так, тут он пару минут стоит, ждет очереди. Заливает бензин.

– Остальные проезжают мимо, – отметил Головин. – Никто не тормознул, не съехал в обочину, чтобы подождать. Вряд ли за ним был хвост.

Внимательно наблюдавший за картинкой Бегин ввернул, не оборачиваясь:

– Если это была не засада, и Африна вели от города, то эти парни должны про камеры наблюдения знать больше твоего. Камеры есть на каждой заправке. Об этом знают все. Особенно те, кто убивает людей на дорогах.

Головин заткнулся.

– Через двадцать минут, – прокомментировал Шахов. – Вот его «kia» уже на Каширском шоссе. Поток небольшой. Все номера переписали, пробиваем по базе и сверяем с данными с остальных камер. Будут совпадения, сразу сообщим. – Не дождавшись ответа, он щелкнул мышкой и включил другой файл с картинкой с камеры наблюдения на посту ДПС на трассе М-4. – Это последняя точка, где Африна срисовали камеры.

Камера снимала машины сзади, чтобы даже ночью иметь возможность фиксации регистрационного номера. Серая «kia» со средней скоростью шла по крайней полосе, уходя

в темноту. Сзади двигалась внушительная фура с прицепом. Через четверть минуты она закрыла из вида автомобиль Африна.

Бегин взглянул на цифры в низу монитора.

– Тридцать пятый километр трассы «Дон».

– Всего в десяти километрах от места убийства, – добавил Головин.

Остаток дня Бегин посвятил бумажной работой, отписывая необходимую документацию по уголовному делу. Назначения на экспертизы, поручения. На его стол пачками ложились рапорта, которые он подшивал в папку. Та росла на глазах.

Утром в кабинете Лопатина подбивали результаты прошедших суток.

– Планшет Африна и сотовый телефон Пыжовой, – шуршал бумажками Наумов. – Ни одно из устройств отследить так и не удалось. Вот распечатка с данными по планшетному компьютеру Африна. Сигнал пропал в радиусе сорока-пятидесяти метров от места преступления.

– То есть, они вырубили технику сразу, как прыгнули в свою машину и смылись оттуда, – кивнул Лопатин. – Что кстати с транспортом?

– Мы определили все машины, которые проезжали по трассе в близкий к моменту убийства отрезок времени, – подал голос опер из отдела угонов, которого Бегин пока не знал. – Проверили их владельцев. Все данные у нас. Без-

результатно, в общем.

– А если подробнее?

– Судимых нет. Половина неместные, из соседних с московским регионов. С остальными поговорили коллеги из Москвы. Двое предоставили записи со своих видеорегистраторов, сейчас их тоже изучаем.

Бегин задумчиво перебирал пальцами шариковую ручку. Перспектива вырисовывалась безрадостная.

– Список всех мобильных телефонов, которые находились в то время в нашем квартале, проверили?

Опер из отдела угонов выглядел виновато.

– Никого нового. Водители тех машин, с которыми мы уже говорили, или их пассажиры. В основном подруги, жены, дети.

– Ладно, – вздохнул Бегин. – Давайте копать шире. В радиусе пятидесяти километров оттуда целая сеть придорожных заведений. Кафешки, магазины, заправки. Озадачим участковых, пусть помогают. Нужно изучить личности сотрудников этих заведений. Судимые, подозрительные, те кто проходил по оперативным донесениям и наводкам.

Лопатин кивнул тем, кому считал должным поручить это.

– А еще я думаю по поводу похищенной электроники, – продолжал Бегин. – Старый мобильник, дешевый планшет... Это явно не стоит того, чтобы убивать. Пара прогулок по темным улицам, и навар больше будет без всякой мокрухи.

– Но факт остается фактом, – ввернул Лопатин. – Думаете, они их берут, чтобы нас запутать как-то? И потом просто выбрасывают?

– Может быть, – Бегин поколебался, перед тем как продолжить. – Или здесь что-то другое. Например, в качестве своеобразного трофея.

Он заметил, как некоторые опера переглянулись. Очевидно, решили, что у следака не все дома, раз он бредит, словно насмотрелся американское кино про маньяков.

Бегин не бредил. С таким он уже сталкивался.

Глава 4

Лопатин работал в УВД до позднего вечера. На завтра решено было назначить пресс-конференцию по убийствам, так как столичная пресса буквально атаковала специалистов по связям с общественностью в главке МВД и в ГУВД области. Общаться с журналистами решил сам Лопатин. Но руководство, позвонив под вечер, настоятельно порекомендовало пригласить и Бегина. «Мы должны показать, что наши ведомства работают рука об руку, вместе, ноздря в ноздю. Перетягивать сейчас одеяло на себя – не самая хорошая идея», – услышал Лопатин из динамика рабочего телефона.

Эта перспектива ему не нравилась. На то были свои причины. Причин было много. Домодедово – не настолько большой город, и многие вещи, происходящие здесь, во что бы то ни стало должны сохранить свой статус внутренних процессов. Бегин угрозы не представлял, по крайней мере пока. Но за последние два дня полковник услышал сразу несколько «звоночков» со стороны пришельца, которые ему не понравились.

Чего стоит хотя бы отказ поселиться в гостинице, которой управлял осведомитель Лопатина. А номер был нашпигован качественной прослушивающей аппаратурой – чувствительной, с шумоподавлением и прочими наворотами. И все коту под хвост. Переживать пока было не из-за чего. Но как шеф

УВД города Лопатин должен был всегда контролировать ситуацию. Если бы не эта привычка, он не стал бы тем, кем стал.

Поэтому, когда Лопатин наконец спустился вниз и, кивнув водителю, уселся на заднее сиденье своего дорогого служебного авто, он достал сотовый и набрал знакомый номер. Автомобиль вырулил с просторной территории внутреннего двора управления и взял курс на юг, к коттеджу полковника.

– Это я, – сказал Лопатин. – Как ты? А, ну хорошо. У меня к тебе дело есть. Нам тут человечка из центрального СК прислали... В курсе уже? Это хорошо. Можешь узнать за него по своим каналам. Да что всегда. Кто такой, с чем его едят. Что, зачем и когда.

Услышав ответ, Лопатин сообщил, что будет ждать звонка, и отключился.

Огонь, извиваясь клубком обжигающих змей, трещит лишь в метре от его головы.

Боль пронзает все тело. Он пытается привстать, но сломанная в предплечье рука лишь ишмякается об ламинат и запрокидывается в сторону, скользя по заливающей пол крови. Он пытается подтянуть правую ногу, но сломанное колено не оставляет никакого шанса. Пытается овладеть второй. Бесполезно – перебитые воспаленные нер-

вы не дают подчинить эти двадцать килограммов кости и плоти своей воле. Нога, живя собственной жизнью, бьется в произвольных конвульсиях. Агония такой силы, что от каждого удара по полу ломаются ногти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.